

нимание своих эмоций» ($r=-,428$, $p<0,01$) и «управление своими эмоциями» ($r=-,584$, $p<0,01$), в то время как с субшкалой «контроль экспрессии», которая отражает способность контролировать внешние проявления своих эмоций, связей не выявлено.

Таким образом, данные анализа показывают, что для музыкантов с высоким уровнем личностной тревожности характерна низкая способность к осознанию своих эмоций, их распознаванию и идентификации, пониманию причин их возникновения, а также низкая способность управлять своими эмоциями, вызывать и поддерживать желательные эмоции и держать под контролем нежелательные. Иными словами, чем выше уровень личностной тревожности у музыкантов, тем меньше они способны понимать свои эмоции и управлять ими, и наоборот. Что касается межличностного эмоционального интеллекта, то статистически значимых взаимосвязей с личностной тревожностью у музыкантов не было обнаружено. Выявленные нами особенности взаимосвязи личностной тревожности и эмоционального интеллекта являются информативными для понимания личностных особенностей музыканта, для которого осознание и управление своими эмоциями является одним из необходимых условий его успешной профессиональной деятельности.

Литература

1. Бочкарев, Л.Л. Психология музыкальной деятельности / Л.Л. Бочкарев. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. – 352 с.
2. Люсин, Д.В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные / Д.В. Люсин // Социальный и эмоциональный интеллект: от моделей к измерениям. – М.: Ин-т психологии РАН, 2009. – С. 264–278.
3. Психология. Словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.

К ПОСТРОЕНИЮ МОДЕЛИ СМЫСЛОВОЙ РЕГУЛЯЦИИ ПРЕДМЕТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Д.Г. Дьяков, БГПУ (Минск)

Значимость смысловой регуляции в обеспечении эффективности предметной активности субъекта обоснована в работах таких классиков культурно-исторической психологии и деятельностного подхода, как Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, А.Г. Асмолов, Б.С. Братусь и др. Несмотря на объективизируемую авторами актуальность изучения данного процесса, его удовлетворительная мо-

дель, обуславливающая возможность эмпирического исследования смысловой регуляции деятельности, пока не разработана.

Попытаемся в самом общем виде отобразить разрабатываемую нами идеальную модель смысловой регуляции субъектом предметной деятельности. Моделируя идеальную форму смысловой регуляции, мы обращаемся, прежде всего, к идее Д.А. Леонтьева о трехуровневой системе смысловой сферы, на вершине которой находятся предельные смыслы [4]. Леонтьев, однако, не указывает, каким образом субъект определяет в ситуации конкретной деятельности, предполагающей невозможность одновременного следования нескольким предельным смыслам наиболее значимый (или предпочтительный в соответствии с иными основаниями) жизненный смысл.

Поэтому смысловая регуляция деятельности, согласно нашей модели, предполагает с необходимостью переход ко второму этапу – решению «задачи на смысл» деятельности. Определяя понятие «решения задачи на смысл», мы обращаемся к идее А.Г. Асмолова, который связывал процесс решения этой задачи с осознанным соотношением смысла деятельности и вплетенных в ткань сознания субъекта содержаний объективной действительности [1, с. 363–364]. Раскрывая содержание последней, мы, оставаясь в логике Асмолова, обращаемся к индивидуальным и социальным свойствам субъекта. Другими словами, предельные смыслы субъекта соотносятся в ходе смысловой регуляции с отраженными в сознании свойствами «Я», а также социальной идентичностью субъекта. Отражение в сознании свойств «Я» и социальной идентичности при этом можно рассматривать как форму переживания в его понимании Л.С. Выготским и А.Н. Леонтьевым. Согласно Выготскому, рассматриваемому переживание в качестве «действительной динамической единицы сознания» [2, с. 383], «...переживание надо понимать как внутреннее отношение ребенка как человека к тому или иному моменту действительности» [2, с. 382]. Основной функцией «внутренних переживаний», согласно А.Н. Леонтьеву, является обнаружение личностного смысла явлений действительности: «... Их реальная функция состоит лишь в наведении субъекта на их действительный источник, в том, что они сигнализируют о личностном смысле событий, разыгрывающихся в его жизни...» [3, с. 185].

Таким образом, мы выясняем субъективную эго-значимость предельных смыслов субъекта. На основании эго-значимости каждого из предельных смыслов (то есть значимости каждого из смыслов в контексте существенных в данном контексте содержаний самосознания) мы опосредствуем становление иерархичности предельных смыслов субъекта в его сознании. Человек получает возможность реализации

в ситуации многомерности смысловых альтернатив наиболее эго-смысленного предельного смысла деятельности.

Итак, определив смысловую нагруженность каждого из альтернативных предельных оснований деятельности через определение эго-смыслового веса общих целей, субъект, согласно предлагаемой модели, осуществляет третий этап смысловой регуляции. Этот этап характеризуется иерархизацией предельных смыслов по критерию субъективной значимости, выявляемой в соотношении каждого из них с отраженными в сознании содержаниями эго субъекта. Выполняя эту функцию смысловой регуляции, субъект осуществляет операцию сравнения альтернативных смыслов (причем степень опосредованности данной операции зависит от степени сформированности смысловой регуляции) и определяет преобладающий по вышеописанным критериям общий смысл. Такой смысл и становится в данной ситуации источником деятельности субъекта.

Итак, разрабатываемая нами идеальная модель смысловой регуляции деятельности включает три этапа: формирование и актуализацию высшего уровня смысловой сферы, включающей предельные смыслы деятельности человека; решение «задачи на смысл» деятельности, детерминированной каждым из таких оснований и взаимное соотношение и ранжирование смыслов на основании выявленного различия их индивидуального «эго-веса».

Литература

1. Асмолов, А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека / А.Г. Асмолов. – М., 2007. – 528 с.
2. Выготский, Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика, 1982–1984. – Т. 4: Детская психология / под ред. Д.Б. Эльконина. – 1984. – 532 с.
3. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1977. – 304 с.
4. Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1999. – 487 с.

ДИАГНОСТИКА СОСТОЯНИЯ ТВОРЧЕСКОГО ВООБРАЖЕНИЯ УЧАЩИХСЯ С НАРУШЕНИЕМ СЛУХА В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.В. Киселева, БГПУ (Минск)

Диагностика состояния творческого воображения детей с нарушением слуха – одна из актуальных проблем специальной психологии и коррекционной педагогики. На наш взгляд, изобразительная деятель-